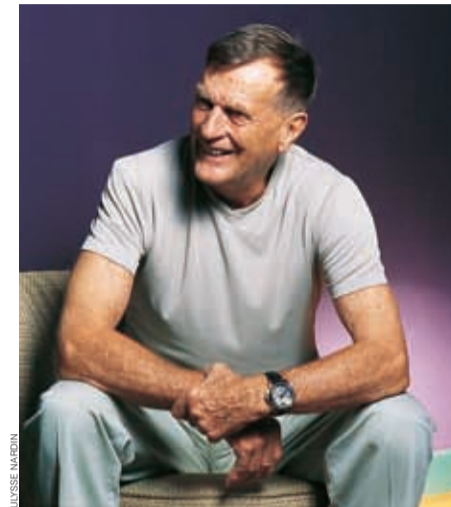

ГЛАВА ULYSSE NARDIN РОЛЬФ ШНАЙДЕР: МОИ ЧАСЫ Я НИКОМУ НЕ ДОВЕРЮ

БЕСЕДОВАЛИ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА И АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

рольф шнайдер
человек-кремень

Рольф Шнайдер купил в 1983 году старинную мануфактуру Ulysse Nardin. Пригласив часового гения Людвиг Окшлина, новый владелец заставил всех заговорить о марке. Теперь Ulysse Nardin имеет несколько заводов, славен производством сверхсложных часов, возрождением перегородчатой эмали и, кроме того, важнейшими техническими новациями. В частности, здесь ведется работа по созданию новых материалов на основе кремния.

Ulysse Nardin,
Safari Minute Repeater

— В прошлый раз во время кризиса вы купили Ulysse Nardin. Говорят, вы приехали в Швейцарию кататься на лыжах и узнали из газет, что мануфактура продается. Нет ли у вас планов что-нибудь еще прикупить?

— Тот кризис был техническим кризисом — люди меняли механику на кварц. А я всегда верил в механику, может быть, потому, что я все-таки швейцарец, хотя и поселился в Куала-Лумпуре. Нынешний кризис — это кризис потребления, который затронет дорогие машины, яхты и, думаю, часы. Так что год тяжелый, но будем воспринимать его как паузу, чтобы отдохнуть немного — покупать ничего не собираюсь. Надолго ли это? Нет у меня волшебного кристалла, который все знает. Хотя я постоянно контролирую продажи по всему миру. Мои агенты обходят все магазины, где продаются Ulysse Nardin, и спрашивают, сколько продано за этот месяц часов и каких именно, и отчеты тут же ложатся ко мне на стол. Пока ситуация терпимая.

— У вас на удивление «взрослые» часы. Вещи для тех, «кому за сорок».

На каких клиентов вы рассчитываете?

— Ну, настоящие часы всегда были взрослыми — это к сорока годам у людей появлялись деньги для таких серьезных покупок. Но теперь немало молодых клиентов, потому что деньги в мире помолодели, и мы должны это учитывать. У нас есть совершенно авангардная модель Freak — это выражение нового времени в часовом искусстве. Механизм, который сам показывает время. Но я не думаю, что привлечь молодых клиентов можно, только стоя на голове. Другое дело, что мои часы внимательны к тем, кому, как вы говорите, за сорок — у них крупные цифры, легко различимые даты, и вам незачем ломать глаза, чтобы прочесть время.

— Почему вы покинули Швейцарию и переехали в Азию?

— Я мечтал путешествовать. Швейцария прекрасна, но мне хотелось, чтобы весь мир был мне открыт. Теперь я живу на два дома и привык просыпаться в два часа ночи из-за разницы часовых поясов. Ну, это повод больше делать часов с мировым временем, они полезны всем, кто не лежит всю жизнь на диване.

— Легко ли делить жизнь между двумя странами?

— Мой блокнот всегда со мной — работать можно и в отеле, и в самолете, если вы хотите работать, а не ищите предлога, чтобы побездельничать. А я люблю во все вникать, все делать сам. Я сам определяю стиль, мои часы я никому не доверю.

— Вы доверяете только своему вкусу?

— Я же не отчитываюсь перед владельцем, я рискую сам, и резонно, что я отвечаю за одно из главных качеств моих часов — за их облик. У меня нет дизайнера в привычном смысле этого слова, но у меня есть подразделение, которые рисует, чертит, уточняет пропорции — это их работа. А вот общий look — это моя.

— Вы работаете со знаменитым часовым мастером Людвиг Окшлином...

— Да, время от времени. Но не в привычном смысле слова, потому что он никогда не служил в Ulysse Nardin. Людвиг как искра для мотора. Если нет этой искры, машина не поедет. Но после этого надо делать часы. Его новая модель Moonstruck — это огромная работа, которую провела прежде всего команда Ulysse Nardin. Вы думаете, что Людвиг пришел к нам с готовыми чертежами? Он принес идею, которую надо было воплощать. Мы связаны давно и прочно и благодаря этому создаем произведения, которые входят в историю часового искусства.

— У вас есть вещи более коммерческие и есть вещи для коллекционеров. Что для вас важнее?

— Мне кажется важным, чтобы в нашей гамме часов были вещи более доступные, менее доступные и вообще почти недоступные. Чтобы человек, мечтающий о нашем уникальном Moonstruck, купил бы, может быть, не такую сложную модель, но тоже носящую наше имя.

— В этом году вы представляете на своем стенде мобильный телефон.

— С ним еще надо поработать и с точки зрения дизайна, и с точки зрения механизма. Сама идея сделать телефон, заряжающийся движением ротора, как часы с автоподзаходом, мне кажется интересной, но энергия, которую может накопить часовой ротор, ничтожна. Ее хватит на один экстренный звонок — другое дело, что есть ситуации, когда экстренный звонок стоит дороже золота. Пока это украшение. Хотя если телефоны украшают драгоценными камнями, почему бы не украсить его ротором с надписью Ulysse Nardin?

— Несмотря на кризис, вы открываете бутик в Санкт-Петербурге.

— Это было решено уже некоторое время назад. Если бы мне это предложили сейчас, я бы призадумался. Но то, что начато, надо продолжать. И вообще, я бы не ставил только на монобренды. Люблю, когда мои часы лежат рядом с другими — в таком соседстве они особенно выигрывают.